

«И, СМЕРТЬ НЕ ВЫДЕРЖАВ, ПЕРЕЛИСТНУТЬ СТРАНИЦУ...»

О РОМАНЕ САШИ НИКОЛАЕНКО
«МУРАВЬИНЫЙ БОГ: РЕКВИЕМ»
(«АСТ», «РЕШ», 2022)

ТАТЬЯНА ВЕРЕТЕНОВА
Родилась в Москве в семье филологов. Окончила филологический факультет МГУ (русское отделение). Преподавала русский язык иностранцам в МГУ и других вузах. В течение 14 лет преподавала русский язык и литературу XIX века

абитуриентам МГУ. Занималась исследованием творчества Гайто Газданова. В 2004–2008 годах работала в журнале «Йога» и издательстве «Ритам-бхара». С 2008 года подолгу жила в Индии, вела семинары похатха-йоге, читала лекции. Сотрудничала

с аюрведическим госпиталем в Чилианауле (Средние Гималаи) — переводила лекции и консультации врачей (в Индии и в Москве). С 2013-го живет попеременно в Германии и России. Печаталась в журналах «Знамя», «Урал», «Традиция и Авангард», «Этани» и других.

Бывают художественные произведения (литературные, музыкальные, изобразительные — не суть), при восприятии которых ощущаешь потребность внутренне подобраться, не просто настроиться и сосредоточиться, а именно что — соответствовать.

«Реквием» в этой книге не только жанр, но и часть названия. Как известно, реквием традиционно посвящен памяти умерших, а в музыке это произведение, скорее, плана духовного, разновидность траурной оратории.

Новая книга Саши Николаенко своим эмоциональным поэтическим звучанием, силой авторского замысла заявляет (и, соответственно, требует от читателя) эту высоту духовного плана в память об ушедших. Книга как минута молчания. Минуты чтения и молчания. Часы. Часы молчания и работы над собой с помощью этой книги. В то же время это роман из тех, перед чтением которых лучше дать себе установку забыть все прежде читанное, отбросить ожидания, впасть в полную читательскую невинность, заранее сдаться. Да, смириться, сдаться, иначе читательского диалога с текстом может не случиться.

Решусь утверждать, что это лучшая книга Саши. Возникшая силой очевидно мощного творческого усилия (предельной самоотдачи автора), она в то же время закономерно произрастает из ее предыдущих романов: стиля «Убить Бобрыкина» и сюжетной и образной структуры «Небесного почтальона Феди Булкина». И если в «Убить Бобрыкина» (2016) Саша удивила своей напряженной эмоциональной и уникальной языковой поэтикой (обозначила свой голос как явление в русской прозе), то в «Муравьином БОГе: реквиеме» ее тональность, с одной стороны, уже легко узнаваема, с другой же — достигает тех запредельных, едва выносимых звучаний, что вынуждают к напряжению душевных струн и медленному, осознанному чтению.

Из «Небесного почтальона Федя Булкина» здесь основа сюжета: жизнь бабушки-пенсионерки с внуком-младшенкласником после недавней гибели его родителей; и времена те же — позднебрежневские. (Помимо бабушки, правда, здесь есть еще и дедушка.) Вот только Петруша Преображенский похож на Федю Булкина разве что возрастом; да и бабушка являет совершенно иной характер. Мечтательному и любознательному Феде угрюмый, независимый и жесткий Петруша становится чуть ли не антиподом.

Рассказанная в «Муравьином БОГе: реквиеме» история (четыре неравных части с эпилогом) охватывает события одного дачного лета — с самого его начала и до середины сентября. Ее временные рамки раздвигают молчаливые воспоминания Петруши о счастливых эпизодах раннего детства с родителями и рассказы-воспоминания бабушки Веры о прошлом. Дом в ближнем Подмоскowie, в дачном поселке недалеко от Химок, описан со всеми подробностями бедного позднесоветского быта: гнилые ступеньки крыльца, прикрытые кусками вытертого ковра; клочок газеты, замедляющий движение электрического счетчика; ржавые тазы, какие-то старые тряпки...

В отдельной комнате вот уже много лет лежит парализованный и почти не говорящий после инсульта дедушка Данила; бабушка зовет его «покойником». Недавняя смерть родителей («третий год в земле Иван да Марья»), приближающаяся смерть деда, визит на кладбище, воспоминания о поминках, а также повседневные ситуации, когда погибают то случайный прохожий под автобусом, то вороненок Васяна, то пес Шарик, то соседский кот, — все это работает на создание образа смерти, постоянно присутствующей на страницах. Если в «Небесном почтальоне...» смерть осталась как будто за пределами романа, то здесь она один из главных персонажей.

Ключевой сквозной деталью становится репродукция картины Брюллова «Гибель Помпеи» («Последний день Помпеи», написал художник, друг отца Петруши), висящая в комнате; взгляд мальчика ежедневно обращен к ней: «...завороженно глядя на бегущих из картины в ужасе людей, еще живых, которые сейчас погибнут все, сейчас погибнут и тогда погибли, как будто погибают каждый раз за тем, как посмотрел на них...». Поэтому неудивительно, что в какой-то момент объектом его игры становится муравейник, который он поливает керосином и поджигает, превращая в аналог извергающегося вулкана. Наблюдает смерть муравьев, чувствует себя их богом — отсюда заглавие романа. (В декабре мне довелось на несколько дней оказаться в Петербурге, так специально пошла в Русский музей — еще раз посмотреть на картину Брюллова, соотнести ее для себя с этим романом.)

Помимо многожды упомянутой «Гибели Помпеи» (например, «над "Гибелью Помпеи" висел лампадки язычок»), мелькнет и еще одна известная картина с изображением не менее напряженного предсмертного ужаса людей — «Девятый вал» Айвазовского. Саша Николаенко показывает Петрушу как мальчика с активным и ярким воображением, это видно и в его мечтаниях зимой о лете, и в том, как он воспринимает иллюстрации в альбоме по искусству: «За окнами зима, по улице метет, волнами белыми пустынный двор заносит, из синих крыш торчат кресты антенн, в песочнице песок из снежной пыли, а ты уже идешь тропинкой к полю, что даже слышно, как кузнечики трещат. И можно долго-долго в воскресенье, пока еще "В гостях у сказки" не идут, сидеть среди зимы

на мостике у речки летом, а надоест — то лист перевернуть, а если страшно там, какой-нибудь содом или распятие, от любопытства с ужасом застыв, смотреть, как неподвижно кровь стекает глянцем, как умирает человек, разглядывая близко лица зрителей, убийц, и чувствовать горячее в ладонях, холод в пальцах, и умирать и убивать, и быть свидетелем убийства, одним из них, и тем, который на кресте, и, смерть не выдержав, перелистнуть страницу, морем зашагать, идти и забывать, листать, листать, уже не забывая никогда. А если морем слишком далеко зашел, закрыл альбом — и дома».

Читать о череде смертей, присутствующих на страницах «Муравьиного БОГа: ренвиема», было бы просто невыносимо, если бы роман не был с избытком наполнен чудесными, поэтическими описаниями природы. Цветущий дачный сад, огород, заросли малины за забором, спуск к каналу — летнее царство девятилетнего мальчика. «В застывшем небе высота сквозная, в парящем воздухе музнички трещат. Сгибаемая в мостик стебелек, бесшумно опускается жучок, зависнув в невесомости, пчела гудит над сорванной ромашкой; сандалию обегает муравей, спеша удрать от ночи в день и спешной приближая темноту; в сплетенной солнцем паутине едва заметное сгущение воздуха качает крестинки семян, они дрожат в таинственных сетях, как ветром пойманные рыбки, и кажется, весь мир заснул в согласном вечности движении, от ночи в день, от тени в свет, из света в тень». Лирические пейзажи прекрасны, но природа в этом романе по-тургеневски равнодушна; для нее смерть — часть естественного цикла. И вот под диктовку бабушки Петруша пишет: «“Нак хорошо у нас в саду!” — и ручка снова пропустила “с”». И сад превращается в ад. «За гробовиной сада глубина, качает ветер пугала распятие».

Но Петруша — ребенок, он не хочет жить в аду, в угнетающей скуке, в мороне смерти, он ищет активности, радости и счастья! Одна из ключевых тем романа (на мой взгляд) — уязвимость и незащищенность детского сознания, открытость ребенка миру, его доверчивость... Как быть, если мир предлагает не жизнь, а смерть? (Эта же тема, кстати, громно прозвучала в недавно вышедшем романе Руслана Нозлова «Stabat Mater».)

В образной структуре явная доминанта бабушки Веры (едва ли не главное образа мальчика); атмосферу на страницах романа, в этом летнем дачном пространстве создает именно она. Бабушка являет собой характер сложный и противоречивый, отчасти даже мистический: ей свойственны одновременно забота и упрек, любовь и лицемерие, деспотизм и преданность, язвительность и ответственность. У нее претензии ко всем окружающим; она все еще не может психологически справиться с гибелью сына и невестки и обвиняет Петрушу в их гибели (хотя родители разбились на машине), называя его «проклятый душегуб», «смертушка», «сатана»... И мальчику некуда деться от этого, как раз перед родной бабушкой он и оказывается незащищен. Смерть пробирается в его сознание, смертный морон расплывается, заполняя собой пространство, сопротивляться ему мальчику становится все труднее — «и в душу проникает вера в смерть».

С образом бабушки связан и неожиданный в этой истории, но явный, тянущийся десятилетия, любовный треугольник. В том, как бабушка общается с немощным дедом, можно заметить не только ее любовь и заботу, но и постоянный упрек. А в гости к ним регулярно навещается соседка «баба Зина Дергунова», к которой бабушка так и не отпустила своего мужа Данилу Алексеевича, — «древняя лихая тяжба за Данилу велась у двух старух».

Время действия, напомним, позднесоветское, и бабушка Вера, при всей своей неоднозначности, оказывается единственным верующим персонажем в романе. Ей доверяет автор рассказ легенды о Петре и Февронии; она же неоднократно напоминает «у Бога наши руки на земле». «Муравьиный БОГ: ренвием» как роман, очевидным образом обращенный к плану высокому, духовному, наполнен и христианскими аллюзиями, и эпитафиями из православных текстов. Однако понимание Бога в романе неоднозначно. В нем, по сути, основа конфликта бабушки и внука. «А Богу неть!» — кричит ей Петруша, еще будучи малышом, еще при живых родителях. «У сатаны своя молитва», — отзывается бабушка. «И бог ее страшнее был, чем темнота, чем чернота, разбойник, аспид, детский дом, милиция, ауна». И этим бабушка Вера больше похожа на мать Саши Шишина из «Убить Бобрыкина», нежели на добрую бабушку из «Небесного почтальона...». Диалоги-споры Петруши и бабушки составляют значительную часть текста, причем бабушка всегда высказывает язвительные упреки, а мальчик отбивается своими репликами-ответами как может.

Однажды (почти в финале) бабушка среди старых журналов находит тот счастливый лотерейный билет (это Петруша уговорил ее купить его), по которому родители мальчика выиграли автомобиль. И вот его кульминационный спор с бабушкой:

— Я же не чтоб они на ней убилась...

— А чтоб убилась кто?

— Никто...

<...>

«Ну это же случайно, а не ты...» — сказала Сашка в голове. И повторил, не отводя глаза:

— Не я.

— Не ты, то кто? Што ль, черт давал, да ты не взял? «Купи, ба-ба! Купи, ба-ба! Што ль, мать живого сына в хроб?! Скажи!»

— Да бог твой — вот кто.

— Што сказал?

— Сказал.

— Шказал — так повтори! Ну?.. Повтори!

— Он их убил. Он, баб, нас всех убьет.

Но про Бога звучит в романе и непосредственно авторский голос: «Над богом бог, над сроном срон, над полом потолок, над крышей небо. Господь присутствует на месте сем, а ты не знал». В любом случае у читателя есть возможность глубокого размышления на эту тему.

Речь бабушки, как мы видим, индивидуализирована и в плане фонетическом (шепелявит, анает — «Чаво тябе?»), и в плане эмоциональном и полна сентенций — почти все на одну и ту же тему о смерти: «Нуда зарюють, там сгниеть. За наждым шмерть-то ходить. Земле што поп, што коммунисть, из всех трава растеть...»; «и жизнь штрашна, и штрашно помирать».

Главный треугольник в системе образов: бабушка — Петруша — соседняя девочка Саша Василевская. Рефреном по всему тексту, через все дачное лето звучит Петрушино «А к Сашке можно?». Сашка (возможно, чуть старше Петруши) почти идеальна: весела, легка, жизнерадостна, изобретательна на всякие игры и забавы. Эта девочка олицетворяет собой образ счастливого детства; от нее как будто исходит столь необходимая Петруше жизнеутверждающая энергия. Устремленность героя «к Сашке», как к спасительному маячку в море окружающего его смертного моря, определяет и развязку романа.

Как видно из приведенных цитат, поэтическая речь «Муравьиного БОГа: реквиема» (кроме диалогов) организована определенным ритмическим способом; важен не только порядок слов, но и ударения в них (порой они не очевидны и специально обозначены). Иногда появляются и маловероятные, но уместные по смыслу и ритму формы слов. Местами стиль становится легким и воздушным (описания природы), но гораздо больше речи какой-то вязкой, опутывающей. Вязкая роман-поэма, и мальчика засасывает в эту смертную вязкость, как в болото.

Развязку тем не менее не предугадать, однако в реквиеме хеппи-энда, разумеется, не будет. Будет смерть, мощный траурный аккорд. Она неизбежна. Роман «Муравьиный БОГ: реквием» — о принятии неизбежности смерти. Своей смерти. Смерти близких. Прочсть, прожить, а тем более пережить и усвоить (выдержать смерть) эту новую книгу Саши Николаенко не просто. Это совсем не развлекательное, а трудное и даже тяжелое чтение. «Я больше не могу. Мне очень больно», — эмоциональная кульминация книги. Читателю приходится принимать смерть на каждой странице и жить дальше, жить с этой постоянной внутренней готовностью и принятием. Неизбежность смерти не отменяет жизнь, красоту мира и присутствующую в нем любовь.

